

УДК 821.111.ЭЛИОТ.09

ОБРАЗЫ ПРОРОКОВ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ ЭЛИОТА

Е. БАЛТРУКОВА

(Представлено: д-р филол. наук А.А. ГУГНИН)

В раннем творчестве Элиота есть лирические герои, обладающие даром предвидения, который, однако, чаще всего касается их собственного будущего, тем не менее, если учесть универсальность и высокую степень обобщенности поэтических образов Элиота, в подобных личных предсказаниях можно увидеть предостережения, относящиеся к человечеству в целом.

Пророчества в поэзии и драматургии Элиота чаще всего рассматривают на примере таких произведений как «Бесплодная Земля» (The Waste Land), «Полые люди» (The Hollow People), «Пепельная среда» (Ash Wednesday), однако эти пророческие элементы берут свои истоки из более ранних произведений, где мы можем обнаружить образы пророков и предтеч.

Ранние произведения Элиота отличаются меньшей универсальностью и преобладанием личного, отсюда и особенности пророчеств и пророков: их взгляд обращен внутрь себя и их предсказания относятся к собственной судьбе.

Наиболее яркими образы пророков получились в таких произведениях, как «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», «Песнь любви Св. Себастьяна», «Смерть Святого Нарцисса».

Первая поэма является заглавной в сборнике «Пруфрок и другие наблюдения», два других произведения входят в неизданный при жизни Элиота сборник «Выдумки мартовского зайца».

В поэме «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» предтечей является непосредственно лирический герой, который «примеряет» на себя образы известных библейских и литературных персонажей. Например, в тексте поэмы присутствует аллюзия на Иоанна Крестителя:

Though I have seen my head (grown slightly bald) brought in upon a platter,
I am no prophet – and here's no great matter;¹ [1, с. 133].

Далее Элиот развивает образ предтечи, в ходе которого Пруфрок делится видениями относительно собственной судьбы:

I've seen the moment of my greatness flicker,
I have seen the eternal Footman hold my coat, and snicker...² [1, с. 133].

Помимо этого, Пруфрок сравнивает себя с Лазарем, и этот образ также становится пророческим, поскольку в нем присутствует одна из главных особенностей образа пророка в поэзии: отсутствие признания. Образ пророка в литературе зачастую связан с одиночеством, гонениями и насмешками. В случае с Пруфроком это жизнь, прожитая впустую, пророчество основано на наблюдениях, цикличности времени, неизменности хода событий, постоянно повторяющихся действиях, традиционных для общества Пруфрока:

For I have known them all already, known them all:
Have known the evenings, mornings, afternoons,
I have measured out my life with coffee spoons;
I know the voices dying with a dying fall
Beneath the music from a farther room.
So how should I presume?³ [1, с. 131]

¹ «И пусть я голосил, постился и молился / И голову свою (с проплешиною) лицезрел / на блюде, – / Я не пророк и ничего необычайного не будет...» [2, с. 53]

² «И Вечный Страж заржал, подав пальто мне...» [2, с. 53]

³ «Я знаю все подряд, я знаю наперед / Все эти утра, вечера и чаепитья. / Жизнь притерпелся ложечкой цедить я, / Я знаю листопад бесед и нежных нот / И знаю: он замрет, о гибели глаголя. / Да как же я себе позволю?» [2, с. 52]

Непонимание со стороны общества также присутствует, однако в сниженном, ироничном виде, сам Пруфрок понимает, как он нелеп и смешон в глазах людей, в кругу которых он вращается, потому он никогда не решается озвучить свои пророчества, боясь насмешек:

Would it have been worth while
If one, settling a pillow or throwing off a shawl,
And turning toward the window, should say:
«That is not it at all,
That is not what I meant, at all». [1, с. 133].

Таким образом, предвидения Пруфрока не являются каким-то мистическим даром свыше, а вытекают из ежедневных наблюдений, что отражается и в названии сборника «Пруфрок и другие наблюдения».

Несколько иначе образы пророков представлены в произведениях «Песнь любви Св. Себастьяна» и «Смерть Святого Нарцисса», так как в этих стихотворениях больше мистицизма.

«Песнь любви Св. Себастьяна» сочетает в себе эротизм и смерть:

Then you would take me in
Because I was hideous in your sight
You would take me in without shame
Because I should be dead
And when the morning came
Between your breasts should lie my head.»⁴ [3, с. 141]

Это предсказание меняется на совершенно противоположное в следующей строфе:

You would love me because I should have strangled you
And because of my infamy;
And I should love you the more because I mangled you
And because you were no longer beautiful
To anyone but me.⁵ [3, с. 142]

В произведении часто используются модальные глаголы *should* и *would*, что подчеркивает пророческий тон повествования, добавляя при этом неопределенности, что и делает образ пророка мистическим.

В стихотворении «Смерть Святого Нарцисса» образ предтечи более универсален. Цикличность времени представлена множеством перерождений лирического героя, место пророчества о будущем занимает воспоминание о прошлых воплощениях:

First he was sure that he had been a tree,
Twisting its branches among each other
And tangling its roots among each other.⁶ [3, с. 211]

Метаморфозы продолжают и далее: Нарцисс становится все более сложным существом, которое, так или иначе, обречено на смерть:

Then he knew that he had been a fish
With slippery white belly held tight in his own fingers,
Writhing in his own clutch, his ancient beauty
Caught fast in the pink tips of his new beauty. [3, с. 211]

Then he had been a young girl
Caught in the woods by a drunken old man

⁴ К себе ввела б меня тогда, /Ибо был мерзок пред тобой, /Меня ты впустишь без стыда, /Ибо уже умру/ И меж грудей твоих к утру/ Лежала б голова моя [11, с. 74]

⁵ Меня б ты полюбила ибо/ Я б задушил тебя в тот миг /Ты полюбила б за бесчестье, /Я б изувечил твоё тело, /И я, красу твою губя, /Сильнее б полюбил тебя, /Осталась бы прекрасной ты/ Лишь для меня на целом свете [11, с. 75].

⁶ Сначала уверовал он, что деревом был, /Сплетавшим ветви свои /И переплетающим корни свои. [4, с. 76]

Knowing at the end the taste of his own whiteness,
The horror of his own smoothness,
And he felt drunken and old.»⁷ [3, с. 212]

Так он пришел к осознанию того, что все живое обречено на смерть, это будущее каждого существа, он принимает это и погибает в очередной раз:

So he became a dancer to God,
Because his flesh was in love with the burning arrows
He danced on the hot sand
Until the arrows came.
As he embraced them his white skin surrendered itself to the redness of blood,
and satisfied him.⁸ [3, с. 213]

Таким образом, можно сделать вывод, что в ранних произведениях Элиота присутствуют образы пророков, однако их предсказания направлены на себя, а не относятся к будущему цивилизации. При этом за счет создания универсальных персонажей, являющихся собирательными образами представителей общества, современного Элиоту, автопророчества становятся универсальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eliot, T.S. *The Harvard Advocate Poems* [Electronic resource] – World. Std. – Mode of access: <http://world.std.com/~raparker/exploring/tseliot/works/poems/eliot-harvard-poems.html>. – Date of access: 15.02.2016.
2. Eliot, T. S. The Love Song of J. Alfred Prufrock / T. S. Eliot. – Chicago : *Poetry Magazine*, 1915. – P. 130–135.
3. Элиот, Т. С. Стихотворения и поэмы : сборник : пер. с англ. / Т. С. Элиот. – М. : АСТ, 2013. – 605 с.
4. Eliot, T. S. Prufrock and Other Observations [Electronic resource] / T. S. Eliot.– Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/1459/1459-h/1459-h.htm>. – Date of access: 15.02.2016.

---

⁷ Затем он узнал, что рыбою был / Со скользким белым брюхом, которое крепко держал в своих пальцах / Корчась в собственной хватке, древняя красота его / Схвачена прочно была новой его красотой. / Потом был он девушкой юной, / Которую схватили в лесу пьяные старцы, / Познав в конце вкус собственной белизны, / Ужас собственной гладкости, / И почувствовал он, что пьян и стар. [4, с. 76]

⁸ И так он стал плясуном перед Богом, / Ибо плоть его была влюблена в горящие стрелы; / На раскаленном песке он плясал, / Пока его не настигли стрелы. / Когда он их принял в себя, белая кожа его сдалась / красноте крови, и насытила его [4, с. 77].